

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- ПОМНИ О СМЕРТИ;
- КАЛЕНДАРЬ THE BEATLES;
- ДЕНЬГИ НА ПОЧКУ;
- ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ БРОСАЕТ ВЫЗОВ.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Еженедельный выпуск май 1992 • №18

СЮЖЕТЫ ВЛАДИМИРА МАТЕЦКОГО

Моск. правда - 1992 - 23 мая - с. 3

Владимир Матецкий известен. И его известность многогранна. Словно надменные небоскребы жаркого Лос-Анджелеса, где наш столичный композитор Матецкий бывает, пожалуй, чаще, чем, допустим, в Останкино.

На первом, основном этаже его замысловатой известности давно уже обитает София Ротару. Фанаты "крымской певицы союзного масштаба" наверняка знают, что почти все могучие хиты для Ротару написаны именно московским сочинителем Матецким. Как минимум две из этих песен — "Луна, луна" и "Цветы, цветы" (шутка) — вошли в Золотой фонд отечественной эстрады. А некоторые вещицы из репертуара Софии Ротару даже возглавили хит-парады скандинавских стран. Кстати, в финской рок-энциклопедии Матецкий представлен всего одной строкой: как автор супер-боевика "Лаванда". Да, да, трогательная "Лаванда", этот сладкий гимн усталых домохозяйек — тоже творение экс-рокера Матецкого. Задумана эта милая композиция была в уютной квартире другого музыканта — Андрея Вадимовича Макаревича при просмотре западных видеоклипов (секрет).

Тут, между прочим, лестница на другой этаж Володиной известности. Потому что Матецкого многие помнят как тусовщика и музыканта первой, самой монументальной волны советского рок-н-ролла. Все 70-е он играл в знаменитой команде под кокетливым названием "Удачное приобретение".

Работал он и вместе с поп-легендой Юрием Антоновым, с удачливейшим менеджером от соврока Стасом Наминим. Однако самый крутой композиторский удар Владимира Матецкого — это написанная в соавторстве с Чернавским супер-песенка "Здравствуй, мальчик Бананан", ставшая главным музыкальным событием 1983 года и позднее украсившая титры малоизвестной ленты Сергея Соловьева "Асса".

"Песня — это серьезный товар", — любит теперь повторять Матецкий. И успех музрекламы Московского вентиляторного завода — доказательство того, что Володя за свои слова отвечает.

Ему, бесспорно, известны законы жанра, в котором он давно и упорно работает. Кроме того, он приятен тем, что отчетливо представляет себе "что есть что" и "кто есть кто". Да и ориентиры у него, очевидно, запредельные. Потому что еще один этаж Володиной известности — битломания. Среди битломанов СНГ его знают как самого зрелищного и придиричьего. И еще знают, что он в Стокгольме общался с самим Полом Маккартни. А блондинистая Линда Маккартни подарила темноволосяй Анне Матецкой свою книгу. Кстати, совершенно случайно выяснилось, что обе дамы — закоренелые вегетарианки.

Следующий этаж известности Матецкого — еще более узок. Или, если хотите, еще более элитарен. Владимир большой знаток авторского права. Массовый зритель-слушатель сделал это открытие после ироничного допроса в "Музыкальном обозе" Ивана Демидова. Бесконечные разборки с ВААПом и изумительные поездки по Соединенным Штатам вынудили Матецкого освоить не совсем обычный инструмент заключения контрактов. До этого он играл в основном на бас-гитаре и клавишных.

Известен Матецкий и как завсегдатай жюри различных конкурсов. Возможно, потому что заработал себе репутацию неподкупного (как рок-н-ролл) жюриста. А может быть, и по причине своей бытовой симпатичности.

И последний, вернее, самый верхний этаж известности: столичный бомонд. Известность, конечно, сомнительная. Поскольку наш "высший свет" блистает не столько навороченными лимузинами, сколько явно помоечным происхождением. Но, с другой стороны, у тех, кто хочет притвориться, что не родился на помойке, есть весьма импозантный маяк. Владимир Матецкий, который запросто мог бы стать усмешливым законодателем мод в московской, с позволения сказать, богеме. Было бы что законодаты.

Во всяком случае, автор музыки к кинофильму "Маленькая Вера", чьи песни исполняют не только "Веселые ребята" и София Ротару, но и Элис Купер — один из немногих стильных мужчин в нашей музыкальной тусовке.

Впрочем... Матецкий известен не только, повторюсь, тем, что умеет одеваться.

Он известен многогранно. Другое дело, что известность и популярность — суть разные вещи. Но это, само собой, тема для совсем другого разговора... Кстати, недавно Володе исполнилось 40.

Е.Д.

— Володя, в параде вас знают и воспринимают исключительно как популярного советского композитора-песенника. Но, насколько я понимаю, это не единственная сторона вашей жизни?

— Нет, не единственная. Я хочу сразу сделать маленькое отступление. Вообще во всех творческих делах — будь то книги, музыка, песни — присутствует такой элемент, как веселье. А на эстраде, по отношению к песне, это называют плейерностью. То есть, иногда по воле человека, иногда против воли, то или иное произведение становится плейером, часто даже исходящим для самого автора. У меня так произошло с песней "Лаванда". В 86-м году и на телевизионный экран, и через режиссера, которая делала новогодний "Огонек", познакомились с Софией Ротару. Точнее, меня попросили написать специально для нее песню, и не просто песню, а чтобы это была песня-дуэт с Якобом Иоаолой. То есть, это была заказная работа, и я принялся сочинять, причем отнесся к этому весьма серьезно. А параллельно в тот же "Огонек" шла моя песня с "Веселыми ребятами", они были тогда таким примодным коллективом, Буйнов там работал, а с Буйновым я дружу давно, он мой приятель. И вот мы сделали песенку смешную, очень простенькую. "Автомобили". Идут съемки, а "Огонек" тогда снимали не как в последний раз — прямо в новогоднюю ночь, — а за два месяца, и мне сообщают с телевидения (а время тогда было довольно жесткое, существовали определенные квоты, а я ведь еще и не член Союза композиторов), что может быть только одна моя песня, так что, мол, выбирай, какая: "Автомобили" или "Лаванда". Ну я, конечно, "Автомобили" выбрал — ребята же мои друзья, а с Ротару я только познакомился. Ну а в результате в "Огоньке" прошла все-таки "Лаванда", и мне потом знакомые, коллеги звонили и говорили: "Ну, это будет шлягер!" — и они не ошиблись. Хотя, я честно скажу, когда эта песня делалась, у меня ощущение, что она будет хитом, не было. Ну и после этого началась моя дружба с Ротару. Так что это судьба!

А возвращаясь к самому вопросу — конечно, параллельно я что-то всегда делал и делаю. Я пишу музыку к фильмам, делаю рекламу, пишу специально для иностранных исполнителей. Могу назвать некоторые свои работы: музыка в фильме "Маленькая Вера", реклама "Образцовое" на Московский вентиляторный завод, реклама "Ортеска" с Питомиром. Мои песни записали Элис Купер, Игги Поп, Эни Мюррей.

У меня вообще судьба такая: я москвич, из хорошей семьи, у меня высшее техническое образование, и я из одного поколения со Стасом Наминим, Макаревичем, Крисом Кельми, Лосевым, Ситко-вецким. Мы вместе росли, учились в разных институтах, все потом начинали играть в группах, потому что увлечение музыкой было повальное.

Во мне после успеха с Ротару как бы две составные части образовались, и те, с кем я рос в Москве и с кем общался на тех еще тусовках, они знают и мою ту рокерскую часть. Ну а весь остальной Союз знает меня как композитора, который для Софии Ротару песни пишет.

— А вот к этой эстрадной своей части вы относитесь как к искусству или, грубо говоря, как к деланию денег?

— Если ты пишешь песни для попсового рынка — ты должен писать так, чтобы люди слушали эти песни. Многие боятся таких понятий, как коммерческое, популярное... Я считаю, что не бывает ничего некоммерческого. Ведь если ты садись писать — ты хочешь, чтобы это читали, или слушали, или обратили внимание. А значит, включайся в коммерческий круг. Честно говоря, на песнях сейчас много денег не заработаешь. В принципе я могу применить свои силы гораздо более эффективно: пойду, например, работать на какую-нибудь иностранную фирму и не нужно будет писать музыку. Оклад в валюте. Я ведь английский неплохо знаю, образование есть.

— Понятие. Давайте теперь поговорим о "Битлз" и обо всем, что связано с ними в вашей жизни.

— Ты знаешь, я никогда не фанател по-настоящему, а для этого слишком рациональный человек. У меня было другое. Было любопытство: в 60-е годы в стране, а я еще в школе учился, была своеобразная атмосфера, в которой постоянно присутствовал эффект "запретного плода". И я был частью всего этого — ловил "Би-Би-Си" и "Голос Америки", слушал музыку, первые магнитофоны появились, можно было переписывать пластинки, как-то переносить информацию. Часть вторая — слова песен, о чем поют. Ходили страшные легенды, например, говорили, что песня "Michelle" — это "Битлз" хоронят свою девушку, для людей это очень много значило. И я помню, какой для меня был шок, когда я давным-давно познакомился со студентом-американцем, который мне сказал, что он поклонник Элтона Джона. Я обрадовался, говорю: "Вот поминишь, на такой-то пластинке вторая вещь...". А он: "Да я не помню". То есть он такой был поклонник: знает кассету — кто? Элтон Джон? — и нормально. Для меня это все было гораздо серьезнее. Потом еще один важный момент был: внешние атрибуты. Началось отращивание волос. За это гоняли, стригли, помню, был мерзавец учитель у нас, физкультурник, мрачная личность — заслуженный учитель, меня все пытался отловить, постричь...

Потому, конечно, когда произошла моя встреча с Маккартни, это для меня было событие. А история встречи такова: несколько лет

назад в Союз приехал его помощник Ричард по поводу выпуска пластинки "Back in the USSR" — "Снова в СССР". Мы с ним случайно познакомилась, я его водил тут на концерты, на дне рождения были у приятеля, в общем, образовались какие-то отношения. И тут я по делам своим музыкальным был в Стокгольме с женой. И в этот момент началась большая World Tour Маккартни, он выступал на стоковском стадионе. Я попал по справочнику гостиницу, где они живут, созвонился, оставил message, Ричард мне перезвонил и говорит: "Я рад, что ты здесь, приходи с женой за кулисы в ресторан". Мы приехали, и он меня привел к Маккартни одного, а жена с нашим другом шведом пошла в зал. Мы зашли к Маккартни, он сидел с Линдой...

— Когда вы его увидели в первый момент, у вас что-то затрепетало внутри?

— Конечно, я был взволнован, не скрою. Но первое ощущение было — Боже мой, какой он старый! Ему создали образ, который в западной печати называют "baby face", то есть "детским лицом". Пол всегда looks good, всегда улыбается. А близи все не совсем так и видно, сколько ему лет. А второе впечатление, вернее, и первое и второе вместе, это что его голос узнаваем. Бывает, что артисты говорят, например, низко, а поют каким-то приемом высоко, как Пресняков. А Маккартни нет, он узнаваем.

Он был очень дружелюбен, поразил меня тем, что был хорошо информирован обо всех наших политических событиях. На всех фотографиях он такой беззаботный, положительный, а в жизни, как мне показалось, это жесткий, цепкий человек, чувствуете деловая хватка. Он подарил мне пластинку, подписал, поговорили о музыкальных делах. Я, понимая ситуацию и, как потом выяснилось, правильно понимая, на тему "Битлз" никаких вопросов не задавал, потому что, конечно, ему это все оскомину набило. О живописи поговорили — он собирает Магритта, Де Кюинга.

— Ну хорошо, вернемся от Маккартни к советской эстраде. Что происходит сейчас с музыкой СНГ?

— В нашей музыке сейчас происходит непростая вещь: приток крыла, фоточка на Запад, скоро будет открыто окно. Я чувствую определенную ответственность, поскольку знаю, езда в такие страны, как Франция, Финляндия, что надо оберегать наш музыкальный рынок. Открывается окно, сюда приходит американская музыка — и всех сдует в один момент. Тут будет не до смеха. И это ведь не только в музыке, это коснется всех — тебя, Додолева, Матецкого. Вот представь, здесь начинают издавать какую-нибудь "Дейли ньюс" на той бумаге, с той печатью, без ошибок...

— Расскажите про семью. Я уже несколько раз слышала от разных людей, что у вас красавица-жена.

- И не только красавица.
- А чем она занимается?
- Она с ребенком занимается, не работает.
- Маленький совсем?
- Пять лет, дочка.
- А от первого брака у вас нет детей?
- Нет. С первой женой мы развелись в 83-м году, а со второй живем уже шесть лет. Жену зовут Аня, а дочку Маша.

— Расскажите, пожалуйста, как у вас происходит процесс написания песни, некоторые сочиняют музыку, скажем, во сне, а как это у вас получается?

— Как сказал про меня один очень известный американский композитор, he's good in titles, я хорош сочинением, придумыванием названия песни, основной концепции. Я хорош этим и здесь и на Западе. То есть придумываю ход основной, строчку, "сценку" слов музыкой и от этого уже иду. Я всегда так сочиняю. Потом остается, как говорят в Америке, to fill the gaps, заполнить промежутки. И мне в этом очень помогает мой постоянный соавтор — Михаил Шабров.

— У вас есть какая-нибудь мечта?

— Я очень хочу, чтобы дочка у меня была счастлива, чтобы она образование хорошее получила. Обычные, в сущности, человеческие моменты.

— Ваша жизнь удалась?

— Пневтичься на судьбу мне не приходится. Хотя все относительно, конечно. У меня одно качество есть, очень полезное, — я не завистлив. Господь избавил. Некоторые люди с этим живут, мучаются и ничего не могут сделать.

— А вы суеверны?

— Знаешь, я не люблю гаданий. Потому что даже если ты не веришь в них, это угнетает твою жизнь. Судьбу нельзя испытывать, надо просто стараться быть лучше. В каждом из нас есть отрицательные качества, во мне, например, много рефлексирования. А с другой стороны, бесуеверное бремя ведь не может написать хорошую песню. Конечно, у людей творческих все бывает сложно, бывает по-разному и не бывает однозначно. Но мне кажется, и это не комплимент себе, что я все-таки, кроме всего, неплохой человек. Это правда.

Ольга ВОЛКОВА.
Фото Сергея БОРИСОВА.

